

НИК ПЕРУМОВ

ВОЙНА АНГЕЛОВ ИГНИС

Сказки Упорядоченного

Ник Перумов
Война ангелов. Игнис
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Сказки
Упорядоченного», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48486244*

*Война Ангелов. Игнис:
ISBN 978-5-222-38886-0*

Аннотация

Нет никого страшнее людей, готовых нести счастье всем, даром и чтоб никто не ушёл обиженным – особенно если эти люди владеют высокой магией. И вот уже знаменитая Гильдия Боевых Магов отступает и несёт потери, горят миры и рушатся крепости, а Долина Магов оказывается в опасности. Что поможет победить, переломить волю фанатиков? Чародейка Клара Хюммель считает, что оружие, валькирия Райна – честь, Ричард д'Ассини – хитрость, а ловец магических тварей Эварха – здравый смысл... Однако, так или иначе, бой приходится принять, и Гильдия стоит насмерть. Ловец Эварха, волей судьбы оказавшийся в самой гуще событий, чувствует за всем этим чью-то злую волю – только вот чью?

Финальная битва Войны ангелов ответит на все вопросы!

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ник Перумов
Война Ангелов. Игнис
Финальная битва
Войны ангелов ответит
на все вопросы!

Глава 1

Ловцом Эварха был хорошим, а вот самому уловленным быть ему ещё не приходилось. По крайней мере, так униЗИтельно, как сейчас.

Девчонка Хаэльдис припрятала монастырское золото где-то среди полипов, в глубине зарослей. Вернулась мрачная, с расцарапанной скулой – явно лазила по опасным местам, прятала понадёжнее, но недалеко. Эвархе это не понравилось – если девица почти его не стесняется, значит, уверена, что ему уже не вырваться, не вернуться сюда за своими де-нежками.

Что она задумала? Убьёт? Сдаст местным магам для опы-тов или местным жрецам для жертвенника?.. Шансы выкру-титься, честно признался себе ловец, во всех случаях весьма

невелики. Но сдаваться он не собирался.

На вопросы она больше не отвечала, молча и тщательно обыскала пленника, прощупав и швы, и подкладку куртки, и даже поковыряв сапожные каблуки толстым коротким ножом. Эварха лишился всего своего имущества, в том числе и бесценного мизерикорда, ритуального игольчатого клинка, носимого на запястье – а вот перстень с черепом остался. Похоже, черепушка умел, когда надо, прикидываться незаметным – даже маги Долины, уж на что многознающие, и то внимания не обратили. Увидел его разве что этот их Архимаг, больно уж цепкий старик, мимо такого и призрак незамеченным не проскочит, – но почему-то не тронул.

Потом она повела его к сиявшему впереди миру, слегка подталкивая в спину. Развязывать верёвки эльфийской работы тоже не стала, лишь слегка распутала лодыжки, так что Эварха семенил по тропе мелкими шажками, точно императорская наложница на прогулке.

Но когда тропа уже нависла над облаками и небольшим, ласковым светилом, когда взорам открылся океан с коричневатозелёными заплатами материков и крапинками островов, – на пути выросла застава.

«Эвон что, – удивился ловец, – и эти додумались заплоты в Межреальности ставить, как монахи! Неужто для них из мира выбраться – проще жареных грибов?.. Оно далеко не всем магам по силам, а тут, глядите, обычные стражники!»

Заплот оказался небольшим – не крепость и не мона-

стырь, как возле Игнаиса, а всего лишь связанный из сухих стволиков полипов плетень, за которым укрывались вооружённые до зубов стражники. Не больно-то какая сила, но и мимо незамеченный не пройдёшь. Хаэльдис придержала ловца за локоть и замахала рукой – свои, мол, свои!

Начальник, чей шлем украшало пышное синее перо,глянул на неё свысока.

– Ого, пигалица! Кого-то словила, я погляжу?

Хаэльдис выпрямилась.

– Доглядчика веду, споймала недалече. То-то нам с вами награда выйдет!

Стражники захохотали.

– А пошлина, пигалица? Награда наградой, а пошлины никто не отменял!

– Пустоват доглядчик, господин начальник Нитте. Вот, всё, что нашуршала. – Девчонка, честно хлопая глазами, протянула им верный дорожный нож Эвархи, и ловец едва не застонал от досады. Ну надо же так глупо, так недостойно попасться и всё потерять, даже нож!..

Начальник стражи ухватил Хаэльдис за подбородок и приподнял голову, вглядываясь в гневно прищуренные глаза; она не сопротивлялась, только сжала побелевшие кулаки. «Да если б она могла, – подумал Эварха, – она бы всех этих мужиков в кирасах перерезала бы не задумываясь» – такая в ней полыхнула ярость.

– Птичка моя, – нежно сказал Нитте, – нехорошо обманы-

вать старших. Благодарю вышние силы, что ты такая костлявая, а то мы бы тебя за неуважение к порядку тут же бы и растянули...

Стражники опять загоготали – чувствовалось, что подобный ритуал они проделывают не впервые, – однако гоготом пока и ограничились.

– Нехорошо так, Хаэ. – Начальник покачал головой. – Ну так что, растянем тебя или всё-таки внесёшь положенную плату?

– Иглокрыла вам в!.. – прошипела Хаэльдис.

Разжала кулак – нож упал на тропу, полезла куда-то за пазуху и извлекла три полновесных золотых кругляша.

«Господин начальник Нитте» с немалой ловкостью их забрал и задумчиво взвесил на ладони, не торопясь отпускать девчонку.

– Это что, всё, что ли, пигалица? Маловато будет!..

Хаэльдис задёргалась, пытаясь высвободиться, так что Эварха даже испугался за неё. Помрёт ещё! Конечно, пленником девчонки быть унизительно, зато не так вредно для здоровья, как пленником этих бугаев и амбалов.

– Эй, ты, она ж сейчас задохнётся!..

Стражники совсем развеселились.

– Надо же, кто заговорил! Может, подойдёшь, поучишь, как с девкой обходиться?..

– Развяжете – поучу!

Стражники так и покатались со смеху, а начальник веско

заметил:

– Мы товар не портим. Вот поработают с тобой падре нашего возлюбленного профосы, тогда и приходи. Если сможешь...

– Тварина ненасытная, – прохрипела Хаэльдис, стараясь вывернуться. – Чтоб тебе чрево разорвало!

Нитте покачал головой и чуть сильнее сжал ей горло. Хаэльдис тщетно билась, скребла пальцами его руку – хватка разве что усиливалась. Эх, удавит ведь, как котёнка...

– Оскорбление стражи при исполнении ею святого долга защиты карается заключением в холодную камору до осознания злохульником своей вины, – нараспев процитировал господин начальник, споро обыскивая свободной рукой дёргающуюся девчонку. Золотые он уже куда-то спрятал. Мигнул подчинённым – и один из стражей, бородатый детина в кожаном доспехе, так же споро обыскал и Эварху. Ловец крепче сжал кулак с перстнем – но перстня стражник тоже словно бы не заметил.

– Ну что ж ты такая костлявая, а? – Господин Нитте с сожалением отпустил Хаэльдис. Та кулём рухнула на тропу, тут же схватившись за шею. – Тебя и щупать-то удовольствия никакого! Хоть бы отъелась ради нас, пигалица.

Девчонка молчала, сверля стражников злобным взглядом.

Добычей Нитте стала тонкая золотая цепочка с синим камушком – очевидно, собственность Хаэльдис, – и принадлежавший Эвархе амулет-путеводитель. Не то «золотое яблоч-

ко», что ссудил ему Пустошник, а другой, выданный в Долине, – шар из чёрного стекла, в котором золотыми звёздочками сияли окрестные миры. Очень полезная штука.

Была, поправил себя ловец.

Прочие его амулеты, очевидно, ушлая девица припрятала в тех же зарослях.

– Нехорошо скрывать от старших такие вещи, – назидательно произнёс господин Нитте, крутя в пальцах амулет. – Вечно тебя учить надо, отчего ты такая упрямая, а?..

Стражники в предвкушении добычи заметно оживились.

– А ежели немного откормишься, то и по Междумирию бегать не надо – служи при нашем посту, хе-хе, в тепле да сытости, мы тебя не обидим!

– Да бросьте её, господин! – крикнул кто-то. – Мы себе пофигуристее найдём и происхождением получше! А эта чокнутая *gwastraff* пусть и дальше на побегушках скачет!

Хаэльдис буркнула нечто нечленораздельное – похоже, снова проклятие, однако стражники посмеивались вполне добродушно.

Девчонка, как видно, расплачивалась таким образом не впервые. И явно находилась под чьей-то защитой – ибо стражники всё же не решились навредить ей по-настоящему.

– Сдаётся мне, дева, мы с тобой похожи...

Хаэльдис метнула в его сторону злобный взгляд, но ловец заметил и пробежавшую по её лицу тень облегчения. Так-так, птичка-то думает, что всех обманула!.. Удачно откупи-

лась от рубежной стражи золотом – чужим, заметьте, золотом, как не преминул бы добавить старина Пустошник; удачно припрятала добычу, а Эварху записала в покойники. Ну, это мы ещё поглядим!..

– Давай-давай, шевелись шибче, золотенький. Мало у нас времени, ох, мало...

От поста до привольно раскинувшегося мира идти оставалось всего ничего.

Мир оказался плоский, как и тот, погибший, вокруг которого вились роем ангелы.

А этот был жив: текли по зелёно-коричневым равнинам голубые реки, вздымались чёрно-серые горные пики, увенчанные белоснежными ледяными коронами, волновались под привольными ветрами золотисто-зелёные степные просторы, синие океаны несли на своих спинах бесконечную череду волн. Ловец аж залюбовался.

– Скажи-ка, дева Хаэльдис, что это за место?

Она дёрнула плечом:

– Идиллия. Так прозывается. Нешто не знал, коль ошиваешься окрест?

– Не знал. Я тут вообще случайно очутился. Ты бы, прежде чем узлы-то на мне вязать, спросила сначала...

Девчонка только фыркнула в ответ. Вытащила откуда-то грязный платок и принялась на ходу стирать с лица маскировочные полоски.

– А в этой вашей Идиллии куда мы пойдём?

– Много будешь знать, скорее сгинешь, золотенький. Вначале допросят, как уж положено, а там как Спаситель попустит.

– Да в чём же мне признаваться? Я случайно под магический удар попал, меня как швырнуло, да и выбросило сюда! Неужто мимо вашей Идиллии проходить – уже преступление?!

Вместо ответа она легонько подтолкнула Эварху к краю тропы:

– Вниз давай. Хватит лясы точить. Путь нам скорый да тяжёлый.

Поначалу ловец не понял, отчего это путь тяжёлый. В мир спускались безо всяких приключений, почти незаметно, как и в Игнисе, – словно кто-то специально построил незримую лестницу в небесах. Эварха будто на крыльях летел, невзирая на путы, – только чувствовал, как Хаэльдис время от времени бросает какие-то заклятия, то ли открывая перед ними дорогу, то ли облегчая её.

Внизу, под белыми облачными перьями, лежала земля – на вид самая обычная, неровные квадраты полей, тёмные кляксы городов, дороги, реки...

Присмотреться ловец не успел – спустились быстро, под конец чуть не кубарем на землю скатились, очутившись за городской окраиной, на задах не то постоянного двора, не то конюшни.

Голова у ловца изрядно кружилась после стремительного

спуска, однако девчонка отлежаться не позволила. Пинками и понуканиями подняла его на ноги и потащила за собой – какими-то козьими тропками позади помоек и заросших бурьяном огородов, приговаривая:

– Ну, шевели копытами, сыть вампирья, коль жить охота! Скинулись-то мы скоро, да не тайно! Сейчас злыдни княжьи наскочат, повяжут нас, ежели не утечём! Давай, давай!

При этом, конечно, никто и не подумал снять с ловца стянувшие щиколотки верёвки. Совершенно одуревший, он сменил за Хаэльдис, то и дело спотыкаясь, торопясь, хотя понятия не имел, почему «злыдни княжьи» так рвутся наскочить и повязать.

Путь их кончился внезапно, за каким-то полуразрушенным сенным сараем.

– Нишкни! – Хаэльдис для пущей доходчивости дала ловцу лёгкий подзатыльник. – Пикнуть не моги! Вернись скоренько.

Эварха покорно плюхнулся на полусгнившее бревно и сидел на нём, постепенно приходя в себя. Мир вокруг переставал кружиться, и до ловца стало доходить, что вокруг ранняя осень, что солнце давно перевалило за полдень и что они с Хаэльдис и вправду находятся в каком-то небольшом селении – невдалеке слышался собачий лай, стук топора, недовольное мычание и глухой перезвон церковного колокола; на ловца наплывал запах навоза, опилок и – самое главное – слегка подгоревшей каши. В животе требовательно заурча-

ло, и тогда Эварха решил, что достаточно очнулся, чтобы попытаться освободиться.

Не вышло – не успел он исследовать узлы на тонкой серебряистой верёвке, как вернулась Хаэльдис, ведя в поводу пожилого мерина гнедой масти, запряжённого в старую-престарую тележку. В тележке горой навалена была свежесобранная брюква, даже землю толком не обтрясли.

– Поселяне, жадюги, за брюкву содрали, как за лучшую пшеницу, – пожаловалась девчонка, утирая вспотевший лоб. Пёстрое перо по-прежнему каким-то чудом держалось у неё в волосах. – Сиди смирно, золотенький, буду чары наводить. Дёрнешься хоть разок – худо будет, ой, худо!

Эварха счёл за лучшее не дёргаться. Мало ли, что у неё на уме... А Хаэльдис, привязав мерина у щербатой стены, принялась раскладывать вокруг пленника пучки сухих трав, косточки, камушки и связки разноцветных ниток. При этом она шептала что-то на непонятном языке, прищёлкивала пальцами, постукивала камушками, и Эварха сам не заметил, как на него навалилась тяжкая, неодолимая дремота. Он разом спал и не спал, всё видел, всё слышал, ощущал, но не имел силы пошевелиться. Даже думать – и то толком не мог.

Хаэльдис шептала долго, а как закончила – сняла с пленника верёвки.

– Ну вот, не утечёшь ноне, золотенький... Поехали, покамест чары свеженьки! Давай-давай, не то ущучат нас, кто к князю попадёт, того и костей не найдёт! – и прибавила ещё

какое-то слово, от которого Эварху словно вздёгнуло на ноги.

Повинуясь командам Хаэльдис, он взгромоздился на тележку, девчонка села рядом, причмокнула, и мерин равнодушно потащился по кочкам. Деревня осталась позади, и вскоре они выехали на оживлённый тракт, ведущий к видневшемуся вдалеке городу.

Повозки, гружённые разнообразным товаром, влекомые медлительными чёрными волами; гикающие верховые; вереницы крестьян и крестьянок, тащившихся по вытоптаным обочинам, какие-то паломники, нищие, бродячие торговцы; старая тележка с брюквой очень быстро затерялась в этом потоке.

Мрачноват был, если честно, этот поток, даже очень. Редко на ком мелькнёт добрый плащ или хотя бы справная рубаха. Да и, судя по лицам, народ здесь скорее привык к бедам и несчастьям – большинство угрюмые, словно пришибленные. Местность справа и слева от дороги тоже не располагала к идиллическим мыслям – домишки попадались мелкие, низкие, тесные, не сравнить с тем же Игнисом. Там простой народ, насколько помнил ловец, отнюдь не бедовал.

Сам же Эварха только и мог, что тупо таращиться на мелькающие лица и ступицы колёс, зато Хаэльдис, кажется, немного расслабилась. Откинулась на прикрытую мешковиной брюкву, достала из заплечного мешка осколок мутного зеркала.

– Глянь, золотенький, какие мы красавы! Эльфью кровь твою княжым ищейкам не учуять, глянь!

Эварха с трудом перевёл взгляд. В осколке отражались две на редкость несимпатичные рожи – чумазые, одутловатые, красные от солнца и браги; пегие волосы у мужчины встрёпаны, у женщины – повязаны нечистым платком. Ловец не сразу даже понял, кого он там на самом деле видит.

– Хороши вышли, а? – Хаэльдис игриво ткнула его острым локтем. – На вот, поешь пока. А то непонятно, что впереди-то ждёт.

Она сунула ему в руку чёрствую горбушку, сама с энтузиазмом вгрызлась в другую.

– Нищеву у этих пощелян не допрощишь! – сокрушалась она с набитым ртом. – Шухарей продали задорого...

К городу они подъехали, когда уже вечерело. Ворота ещё стояли открытыми, однако повозки перед ними сгрудились, мешая друг другу, возчики и торговцы отчаянно ругались, пихались, лезли вперёд – никто не хотел оставаться ночевать под стенами.

Хаэльдис, завидя столпотворение, свернула на обочину. Мерин невозмутимо тащил тележку по траве, распугивая устраивающихся на ночлег паломников и нищих – вслед неслась отборная ругань, но деву это не смущало. Одной рукой удерживая вожжи, другой она извлекла из-за пазухи глиняную флягу, зубами выдернула пробку и щедро плеснула Эвархе на грудь домашним самогоном.

– Вот и славно!..

Ловец не имел сил сопротивляться и покорно вдыхал пары самогона, чувствуя, как начинает кружиться голова.

– Вот, золотенький, ты уже и лыка не вяжешь!

Тележка, переваливаясь, подкатила к воротам с другой стороны, где пропускали пеших. Хаэльдис спрыгнула на землю, повела мерина в поводу, нещадно толкаясь.

– Эй, ты! – Стоявший у ворот стражник замахал руками. – Куда прёшь, сущеглупая? Иль не видишь, с повозками – туды! Туды, я сказал!

– Ой, да разве ж это повозка, миленький! – заголосила девчонка, удивительно точно копируя деревенскую бабу. – Это не повозка, это гроб ездячий! А в нём смертушка моя спит, нализался по дороге, где только успел, скотина эдакая!..

В толпе, начавшей было возмущаться, раздались смешки, кто-то крикнул:

«Сама ты дура, видала небось, за кого замуж шла!»

Хаэльдис всё так же решительно расталкивала пеших, пробиваясь к воротам и не переставая голосить.

– Ой, миленький, не погуби, да не проехать мне в те ворота до заката! Да как я с этим пьянчужой-то в чистом поле останусь, оберут меня, бабу, снасилят!.. Не погуби, пропусти несчастную!

– Пошла вон, дура!

В толпе заругались и затолкались, и тут Хаэльдис, почти

добравшаяся до ворот, применила военную хитрость.

– Да разве ж я без понимания, да разве ж я не вижу, что люди тут с утра давятся!.. Эй, народ, кто пропустит меня, довезу до Нижней площади за так, лезьте на повозку! Только доблестному стражу пошлину не забудьте!

В толпе тут же возникло движение. Стражник, сообразив, что против такого предложения не возразишь, споро собрал медяки, а Эварха в момент оказался зажат между сопящими, благоухающими чесноком и немытым телом крестьянами.

Бедолага мерин, нагруженный сверх меры, едва ноги переставлял, но кое-как, уже в сумерках, дотащился до рекомой Нижней площади.

Тут Хаэльдис, не стесняясь в выражениях, разогнала всех пассажиров, завела мерина в проулок между двумя постоянными дворами и снова связала ловцу руки. Распрягла мерина, похлопала по крупу: «Удачи тебе, добрая скотинка» – и подёргала Эварху за куртку.

– Слазь. Двигать пора.

Ловец с изумлением обнаружил, что чары спали с него, он вновь способен и говорить, и ходить, и соображать.

– Едва успели, – буркнула девчонка. – Чары-то мои до темноты, а там и облик истинный, и язык – всё вертается. Шевелись, злыдень, нам ещё до Подворья добираться...

Эварха быстро понял, что связали ему не только руки – на шею была умело накинута удавка, и при любом его резком движении Хаэльдис затягивала её, дёргая за свободный

конец. Не сбежишь.

Город ловцу сразу не понравился. Воняло гадостно, мрачные дома почти сходились над узкими проулками: руки вытянешь, так противоположных стен коснуться можно. Вдоль домов в мелких сточных канавах копошилась отвратительная даже на вид живность – какая-то помесь мышей с ящерицами, за которой охотились жирные наглые крысюки. Даже в Вольном городе, с его перенаселённостью, улицы были куда чище. «Да что ж они тут, вовсе мусор не вывозят?» – поразился ловец. Ни мусор, ни нечистоты. Золотарей тут явно нехватка.

– Тьфу, мерзость! – Улочку прямо перед ними неспешно и торжественно пересекала здоровенная змеюка в руку толщины. Поглядела на ловца светящимися в полумраке глазами, пошипела нахально и продолжила себе путь.

Змей в городах Эварха не видывал ни разу, хотя городов повидал с преизлихом – и бедных, и богатых, и преуспевающих, и не очень.

Хаэльдис держала путь узкими, безлюдными переулками, через какие-то руины и пустыри, а если приходилось пересекать улицу пошире – всегда вначале убеждалась, что поблизости никого.

Огня не зажигали, дорогой молчали. Впрочем, вскоре на небо выползла большая зеленоватая луна, и идти стало легче.

Когда Эварха уже основательно выбился из сил, девчонка

остановилась. Она здорово запыхалась и растрепалась, глаза лихорадочно блестели.

– Ну, золотенький, теперь молись Спасителю, чтоб дойти! Чуток осталось, да самое страшное. Меня слушай, делай в точности, как скажу!

Эварха торопливо кивнул. Бедняцкие кварталы, замусоренные, тёмные, где в ночи шастают тати и крысы со змеями, остались позади; дома вокруг стали выше, проулки – чуть почище. Куда ж ещё его потащат?!

Оказалось – в подземелья.

Они спустились в какой-то сухой колодец, потом – по полусгнившим деревянным ступеням ещё ниже, и перед Эвархой открылись неровные туннели, пробитые в известняке водой в незапамятные времена. Вода отсюда давным-давно ушла, но пришло что-то иное. Может, нежить, может, твари, может, тёмные маги – ловец чувствовал впереди, во мраке, злобу и неутолимый голод. Хаэльдис засветила обычный факел, но всё стояла, не торопясь идти вперёд, словно прислушивалась.

Что-то горячо толкнулось в ладони. Эварха пошевелил связанными запястьями – ну так и есть, перстень ожил, нашёл время. С другой стороны, а вдруг от черепушки будет какая польза в этих каменных кишках? Он куда лучше человека чует магию, даже лучше полуэльфа, и отреагировать может быстрее.

– Эй, дева! Хаэльдис!

– Тих-хо!..

– Да чтоб тебя, малахольная, хоть раз послушай! Развяжи меня. Клянусь, не убегу. Но хоть помочь тебе смогу, я же чувствую, какое тут, под землёй, зло сидит...

Девчонка обернулась и одними губами ответила:

– Никогда.

Эварха шёпотом выругался. Перстень жёг пальцы нестерпимо, очевидно, черепу тут совсем не нравилось.

– Эй, дева. У меня на правой руке кольцо, сними его. Да не бойся, дура!

Девчонка сверкнула глазами, пристроила факел в щель и осмотрела связанные кисти Эвархи. Через мгновение палец жечь перестало, а девица пробормотала:

– Тю, как это я проглядела-то...

Череп в перстне мелко стучал зубами, а глазницы, невиданное дело, сияли мертвенно-синим светом. Хаэльдис подняла его повыше – череп немедленно повернулся влево, светя глазницами во тьму.

– Это ты, золотенький, вовремя мне подсказчика нашёл... А ну, шевелимся!

Так они и шли во тьме, нарушаемой только шорохом шагов да треском прогорающего факела. Пройдут, постоят на развилке, череп укажет путь – и вперёд. Развилок было много, и почти все – на несколько туннелей; только теперь ловец понял, как сильно они рисковали бы, не окажись у него волшебного перстня.

Мало знать верное направление – надо ещё обойти нечто, таящееся в темноте, не выдать себя, не встревожить тварей. Всякое с ним случилось на охоте, не сказать что впервые пришлось пробираться по опасным подземельям, однако к тому времени, как путь закончился возле обитой неровным железом толстенной двери, Эварха взмок, как будто его водой облили. Хаэльдис выглядела не лучше, даже пёстрое перо едва держалось в растрёпанных волосах.

Из какого-то потайного кармашка девчонка извлекла маленькую печать чёрного камня; приложила к одному из углублений, густо усеивавших железные полосы, и дверь тут же бесшумно отошла. Отошла – и сразу задвинулась обратно, путники едва успели проскочить в щель. Но вместо очередного туннеля перед ловцом оказалась узкая винтовая лестница, а за ней – новая преграда, точнее, две: железная решётка из толстых прутьев и обычная, хоть и массивная, дубовая дверь. Дверь со скрипом приотворилась, и из темноты надтреснутый голос спросил:

– Кто тут меня беспокоит в столь ранний час? Ты, что ли, Хаэльдис, недостойная?

Девчонка тотчас дёрнула удавку на шее ловца, давая ему понять, чтоб молчал, и смиренно ответила:

– Это воистину я, отче. Позволения нам войти покорно прошу.

Эварху с головы до ног окатила горячая волна магии – он не разобрался какой, но совершенно точно не святой, не си-

лы Спасителя, как в Игнисе. Скорее, смесь стихийных заклятий, прощупывающих, испытывающих, ищущих ловушки и настороженное оружие. Только после этого в стене заскрежетали не то цепи, не то зубчатые колёса, и решётка поползла вверх.

Ловец и девушка очутились в тесном тёмном покое. Через узкое окно внутрь глядели звёзды, над чёрными городскими крышами светила луна, зеленоватая и рыхлая, словно скверный сыр. У стены, расписанной фресками, изображающими события жизни Спасителя, стояла скамья, у окна – небольшой стол с грудой бумаг и старой чернильницей, мрак разгоняли три оплывшие свечи в старом подсвечнике. Возле выступавшего из стены ворота застыл худой всклокоченный старик в длинной, до пят, ночной сорочке и накинута на плечи шубе, подбитой парчой. Похоже, очень и очень дорогой шубе. Под шубой, на груди, висела внушительная Спасителя стрела.

– Ну, чего тебе, суетное ты существо? – недовольно спросил старик. – Чего ради будишь? Ночь на дворе! Добрые чада Спасителя нашего спят, десятый сон видят!

Хаэльдис внезапно затряслась и рухнула на колени – впрочем, не выпуская из кулака удавку.

– Простите, отче, не гневитесь!.. Это доглядчик, из Игниса-мира доглядчик, вам привела сразу, не погубите!..

Старик бросил на Эварху острый взгляд.

– Откуда знаешь, что он от святош, малявка?

– В-вот... золото, золото их... у него было... – на трясущейся ладони она протянула кругляш, тускло сверкнувший в свете свечей. И как от стражи-то утаила?... Эварха только зубами скрипнул.

Старик повёл ладонью, по тёмной комнате прокатилось горячее эхо его чар.

– Не врѣшь, пташка, и впрямь оттуда золотишко... Ладно, подожди пока.

Он резко позвонил в колокольчик, дверь в конце покоя распахнулась, и двое вооружённых воинов, повинувшись жесту старика, вывели девушку вон. Она даже и не подумала сопротивляться, удавка выпала из пальцев, замерла на полу уснувшей змеей.

Эварха остался стоять, как стоял, не шелохнувшись. От всех приключений и бессонной ночи его слегка лихорадило – словно на охоте, когда надо выждать, выманить зверя, выцелить его, и только тогда бить наверняка. Или, в данном случае, – бежать. Выяснять, что это за мир да что в нём к чему, ловец не собирался – больно надо! Тут быть бы живу...

Старик разглядывал пленника с возрастающим интересом.

– Ну? – снова спросил он. – Не похож ты на адепта белых братьев, ни силы их в тебе, ни святости. Уж это-то я издали почую, я ведь у них живал... А ты другой. Эльфийской крови к тому же, верно? Так что ты в Игнисе забыл, эльфик?

Эварха шевельнулся. Если уж врать – то врать как можно

ближе к истине, как в Долине. Везёт ему в последнее время на проницательных старцев, возьми хоть Пустошника, хоть Архимага, хоть вот этого вот жутковатого дедулю со стрелой Спасителя. Хотя до мессира Архимага им всем – как до Долины раком...

– Чего забыл, чего забыл – работал я на них, – ответил он не без сварливости и поразился тому, как хрипло звучит голос. – Я свободный охотник, брожу по мирам, ловлю э-э... всякоразличных тварей, по заказам иль так, доставляю, деньги беру...

– Как звероловы на жизнь зарабатывают, я знаю, – сухо оборвал его старикан. – Скажи лучше, как же ты в Игнис-то попал, охотничек?

– Они меня сами нашли. Потому что я из охотников на всяческую нечисть – лучший... ну, или один из лучших.

– Или один из лучших, да, да, – кивнул старик. – Скромность есть великая добродетель, как учит нас Спаситель. Так вот, нашли они тебя, и что?

Эварха пожал плечами:

– Да ничего. Нашли, заказ сделали. Я выполнил, что требовалось – тварь словил, доставил, плату получил. Возвращался домой, попал в бурю в Межреальности, выбросило меня прямиком к этой вашей Хаэльдис в силки...

Старик заулыбался и с видимым удовольствием потянулся. Эвархе отчего-то стало не по себе.

– Ишь, как у него просто-то всё... А ежели я мастера по-

зову, профоса нашего? Непревзойдён сей мастер в искусстве отыскания истины...

– Да не вру я, господин хороший!

– Но и правды всей не говоришь! – Горящие глаза старика впились в Эварху. – Что за заказ? Кто заказал? Куда ты его доставил? Почему именно в Игнис? Где твой дом? Как святоши тебя нашли? Всё говори, всё подробно! Ну?!

Ловец набычился. Злость вскипела в нём и смела все расчёты. Поединок он безнадёжно проигрывал – ну и демоны с ним!

– Кто ты такой, чтобы мне допросы чинить? Я никаких законов не нарушил, ни на чью жизнь не посягал! Я даже не знаю, ни что за мир, ни что за город!

– А тебе знать и не надобно! – захихикал старый клирик. – И я тебе отчёта давать не стану, знай только, что любой, кто на Игнис хоть ногой ступил – нашему миру враг.

– Что, и ты тоже? Сам сказал, что жил там.

Старик помолчал и заметил совсем другим тоном:

– А и наглец ты, эльфик. Как тебя звать?

– Эварха-ловец.

– Ну, так расскажешь всё сам, Эварха-ловец, или мастера позовём? Поведаете честно – накормим, напоим и спать уложим в приятном месте, А ежели нет...

– Да поведаю я, чего ж скрытничать. – Ловец пожал плечами. Ничего не напишешь, придётся делиться подробностями, знать бы только, какие не навредят! – Но не так уж много

я и знаю, не взыщи, господин хороший, не ведаю, как звать-величать...

– Викарный епископ Уго Тремоледа, к вашим услугам, – ухмыльнулся старик. – Можешь звать меня просто – ваше преподобие.

– Хорошо, твоё преподобие. – Эварха решил не пикироваться. – Расскажу всё как есть, мне что Игнис, что любой другой мир – лишь бы денежки платили, а под пытки за них лезть – благодарю покорно...

Он почти не сомневался, что старик на это клюнет – наёмники ему, похоже, привычны. И верно, его преподобие викарный епископ Тремоледа понимающе усмехнулся:

– Истинно так, охотничек... коль и в самом деле на Игнисе тебя просто наняли тварь какую словить, так чего тебе запирается? Валяй, выкладывай, я слушаю.

И ловец пересказал свою историю примерно в том же виде, как пересказывал её много раз в Долине магов, умолчав на сей раз, однако, не только о Вольном городе, но и о самой Долине. Чем меньше люди о тебе знают, тем меньше навредят, как любил поучать Мелге.

– А что случилось в Межреальности?

– Не знаю, – признался ловец. Этого он и вправду не знал. – Удар, меня по тропе потащило, едва не сорвался, а выбросило эвон куда...

Старик задумался. За окном едва-едва посветлело, из города донёсся колокольный звон – звонили, должно быть, в

храмах Спасителя. Хозяин прищёлкнул пальцами, вспыхнули ещё свечи, и стало видно, что это либо молельный покой, либо какая-то храмовая каморка.

Голоса колоколов слышались ближе и ближе, пока басовито не загудели совсем рядом. Эварха окончательно убедился, что он снова попал в храм Спасителя.

«Свезло так свезло», – вспомнилась ему Хаэльдис.

– Вот что, Эварха-ловец, – сказал, поднимаясь, старик. – Дела сейчас у меня, а ты подожди пока. Отдых и еду получишь. Монашек в постель пока не дам, – он усмехнулся, – но накормят хорошо. Посиди под присмотром, а днём увидишься кое с кем.

Ловец счёл за лучшее поклониться пониже.

Странные они тут, демоны побери. Храм вроде бы, старик при богатой стреле, а даже не спросил, верует ли Эварха. Словно это было неважно.

Эх, как там девчонка Хаэльдис? Всё ли с ней хорошо? Ловец с некоторым раздражением признался себе, что беспокоится о ней больше, чем о пропавшем перстне с черепом.

Встреча и впрямь состоялась. Только уже не в храме, а в настоящем дворце, куда ловца привезли в закрытом экипаже, под охраной четвёрки вооружённых короткими мечами воинов.

Там его отвели в комнатку без окон, освещённую лишь свечами, однако обставленную со всеми удобствами, и оставили наедине с весьма приличным обедом – хотя по време-

ни и для завтрака было рано. Так что ловец по крайней мере наелся.

Потом Эварха дремал на узком топчане, расслабившись — как всякий охотник в ожидании добычи, копя силы для схватки.

Он давно научился чувствовать время. Очень полезное умение, когда ты то и дело попадаешь в разные его потоки или бродишь по Междумирию, где ни ночи, ни дня. Около полудня в замке заворочался ключ, и на пороге явился давешний старик, только не в исподнем, прикрытом шубой, а затянутый в парчовое священническое облачение, такой суровый на вид, что впору было испугаться. За спиной старика застыли те же четверо мечников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.